

СОННАЯ ТПРАНЮЙЯ

ТОПЬ

Асилина Меллин

Асилина Меллин

Сонная паранойя(Топь)

«Автор»

2026

Меллин А.

Сонная паранойя(Топь) / А. Меллин — «Автор», 2026

В глухой деревне Липямное за неделю бесследно исчезают двадцать три человека. Местные жители меняются на глазах: у них темнеют глаза, кожа становится зеленоватой, по ночам они царапают стены и уходят в лес. Молодой детектив Вера Тихонова и её отряд прибывают расследовать эти странные пропажи. Вскоре они находят дневники безумного учёного Кобалини, который хотел подчинить деревню с помощью отвара, но ошибся в формуле и создал вирус, материализующий кошмары. Теперь каждый, кто засыпает без защиты, может стать «топью» — застрять между сном и явью, мучая себя во сне. Единственный шанс — сшить маски из мешковины с железом и полыньёю, войти в лес и привести пропавших к чёрному пруду. Но вода проверяет душу: через неё пройдут только те, у кого нет злых намерений. Цена победы — невозполнимые потери и тяжёлая плата за каждый сделанный шаг.

© Меллин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сонная паранойя(Топь)

Глава

Пролог

Дом на холме. Ночь. Свечи плаваются, оставляя восковые потёки на пробирках. Виктор Кобалини сидит за столом, водит ручкой по бумаге. Рядом — бутыль с мутной жидкостью.

Дневник. *«Запись № 47. Я наконец нашёл формулу. Полынь, железный купорос, слеза умирающего. Смесь подавляет волю. После вкушения человек становится послушным, как марионетка. Без страха, без сомнений. Идеальное орудие власти. Завтра — первое испытание».*

Кобалини закрывает дневник, поднимает бутыль. На дне — маслянистый осадок, похожий на ртуть. Он смотрит сквозь стекло на свет свечи: жидкость переливается мутной радугой.

— Тысячи лет человечество пыталось подчинять силой, — бормочет он, не обращаясь ни к кому. — Но настоящая власть — в химии. Липямное станет моим полигоном. А потом — и другие деревни. Города. Весь мир узнает имя Кобалини.

Он ставит бутыль на стол, сдувает пыль с пробирок. В углу комнаты — клетка с мышью. Мышь спит, свернувшись калачиком. Её бока сотрясаются частой дрожью.

— Проверим на тебе, — Кобалини набирает пипеткой несколько капель. Отвар пахнет горечью и железом. Он пускает жидкость в клетку через отверстие.

Мышь дёргается. Открывает глаза, но не бежит. Замирает. Уши прижаты к голове, усы повисают. Она смотрит на учёного преданно, как собака.

— Работает... — шепчет Кобалини. Улыбается.

Той же ночью. Старый пруд. Вода чёрная, неподвижная, не отражает ни луны, ни звёзд. Кобалини стоит на краю, в руке уже не пипетка, а вся бутыль.

— Сегодня последний этап. Отвар нужно вылить в пруд — он распространится через испарения, и каждый, кто вдохнёт, станет моим. Никакой магии. Простая химия.

Он открывает бутыль. Жидкость пахнет резче: теперь в нос ударяет полынь, железо и сладковатая нота, от которой сводит скулы.

— Настройся на нужную волну, — командует он и опрокидывает содержимое.

Осадок не растворяется — расплывается маслянистым пятном, пульсирует, как рана. Вода темнеет ещё сильнее, становясь абсолютно чёрной. А потом вздрагивает. Вся поверхность пруда колыхнется, словно гигантское лёгкое делает вдох.

— Что?.. — Кобалини отступает на шаг. Хватается за голову. В висках стучит. Он понимает: перепутал пропорции. Полыни слишком много, железа — мало. Вместо подчинения воли — материализация.

Он пытается записать что-то в дневник. Достает ручку, но пальцы не слушаются. Они дрожат. Пятна на ладонях темнеют. Кобалини падает на колени. Ресницы слипаются. Сон приходит мгновенно — не постепенно, как обычно, а обвалом.

Ему снится пруд. Только пруд теперь не водоём, а глазница. Глазница огромного существа, которое лежит под землёй, сжимая корни деревьев. И это существо открывает глаз. Говорит голосом самого Кобалини:

— Ты впустил меня. Теперь я буду в каждом спящем. Каждый, кто заснёт над моей водой, увидит твои сны. Твои сны станут их явью. Они будут просыпаться с ранами. Они будут царапать стены. Они будут уходить в лес. Потому что теперь ты — не ты. Ты — мой голос.

Кобалини просыпается на рассвете. Лежит на мокрой траве, одежда в тине, волосы слиплись от росы. С трудом поднимается. Смотрит на свои руки — ладони покрыты бурыми пятнами, словно синяками, которые не проходят. И ещё: он слышит дыхание. Чужое. Прямо у себя в затылке.

— Я ошибся, — шепчет он. Губы пересохли. — Я не подчинил. Я родил... Спящего.

Тот же берег. Солнце уже поднялось, но его свет кажется бледным, словно прозрачным. Кобалини сидит на корточках, на коленях — дневник. Он пишет торопливо, ломая карандашный грифель.

«Я хотел власти. Вместо неё я создал вирус, который меняет людей: сначала тускнеют глаза, гниёт кожа. Потом они становятся злыми, чужими. А во сне они мучают себя сами — и не просыпаются. Они идут к пруду, потому что пруд стал их домом. Если вы читаете это — не приезжайте в Липяжное. И не смотрите в чёрную воду после заката. Там отражается то, кем вы станете после того, как перестанете быть собой».

Он закрывает дневник, засовывает в рюкзак. Поднимается. Держится за дерево, чтобы не упасть. Смотрит на пруд.

Вода уже не просто чёрная — она живая. Рябь ходит по поверхности без ветра, кувшинки раскрываются и закрываются, словно лёгкие. На одной из них — отражение. Не его лицо. Чужое. Безликое.

— Спящий, — бормочет Кобалини. — Ты — моя ошибка. Но теперь ты — моя единственная правда.

Он медленно идёт к воде. Останавливается у края, смотрит в чёрную гладь. Ступает. Вода смыкается над головой.

Ни крика. Ни всплеска. Только кувшинки сдвигаются, закрывая то место, где исчез учёный.

Пять лет никто не подойдёт к этому пруду. А потом в Липяжном пропадут двадцать три человека за одну неделю.

Глава 1

Кабинет начальника утонул в сумерках. Шторы были задернуты, настольная лампа отбрасывала приглушённый свет на стопку бумаг. Пётр Громов сидел, массируя переносицу, когда дверь распахнулась без стука.

Вера Тихонова вошла, останавливаясь у стола и кладя на него распечатку. Чёрная куртка, серые глаза, короткие тёмные волосы — она выглядела так, будто только что пришла с улицы, хотя уже два часа сидела в архиве.

— Пётр Иванович, прочтите, пожалуйста.

Полковник поднял голову. В свои пятьдесят он выглядел гораздо старше: морщины глубоко въелись в обветренное лицо, седина проступала в коротких волосах. Очки он надевал только для чтения, но сейчас не стал. Взял рапорт, пробегая по нему глазами.

— *«В деревне Липямное пропало двадцать три человека за неделю»*. Ты в это веришь?

— Участковый не шутит такими вещами, — Вера стояла, нервно теребя край куртки. — Я проверила. За последний месяц в Липямном умерли трое естественной смертью. Остальные двадцать три пропали без вести из своих домов.

— Сбежали?

— Следы ведут в лес. Но лес вокруг Липямого — болото. Там утонуть быстрее, чем сбежать. А тут — двадцать три пары следов, идущих в одном направлении. Как будто армия туда вошла.

Громов посмотрел на Веру долгим, пристальным взглядом. Шесть лет он знал её — с тех пор, как её отца, его лучшего друга, убили в перестрелке. Он взял её стажёром, сделал детективом, когда другие фыркали: «Девчонка молодая». Она оправдала свою должность. Три резонансных дела — лучшее тому доказательство.

— Ты хочешь поехать туда?

— Уже собралась.

Громов вздохнул, потёр переносицу. Встал, одёрнув китель.

— Что ж, спорить с тобой всяко бесполезно, так что могу выделить тебе только четверых и сам следом за вами. Сама знаешь, у нас работы неупорот, все заняты.

— Да, понимаю. Спасибо вам.

— Не благодари. Кстати, этих людей ты ещё не знаешь, держи, — Громов протянул папку. — Их личные дела, ознакомься до конца рабочего дня. — Он подошёл к вешалке, накинул плащ. — Только никакой мистики. Это просто пропавшие люди. Заблудились, может. Или маньяк какой. Выдвигаемся завтра утром.

Вера не ответила. Из её кармана выпирал рапорт, в котором виднелась фраза: *«Жители говорят, что по ночам из леса слышен смех. Не людской. И на окнах проступают отпечатки ладоней с внутренней стороны»*.

Она вышла. Громов покачал головой, глядя ей вслед.

— Эта девчонка... Точь-в-точь отец.

Вера сидела у себя в кабинете. Рядом стояла чашка кофе. Она открыла папку и начала ознакомление. В папке было не только личные дела тех четырёх сотрудников, но и её и её начальника.

— Что ж, посмотрим.

Ф.И.О: Громов Пётр Иванович

Дата рождения: 15 Августа 1973

Место рождения: г. Северск

Должность: Полковник полиции, начальник оперативного отдела

Образование: Высшее юридическое – Академия МВД (1995 г.). Специализация: управление оперативно-розыскной деятельностью

Семейное положение: Вдовец. Детей нет. Проживает по адресу: г. Северск, ул. Советская, д. 9, кв. 12.

Послужной список: 1990–1992 гг. – служба в армии (ВДВ).

1995–1998 гг. – оперуполномоченный уголовного розыска.

1998–2005 гг. – старший оперуполномоченный, неоднократно выезжал в «горячие точки».

2005–2015 гг. – заместитель начальника отдела.

С 2015 г. – начальник оперативного отдела УВД г. Северска

Награды и поощрения: Медаль «За отвагу» (2000 г.).

Медаль «За отличие в службе» I и II степени.

Нагрудный знак «Почётный сотрудник МВД» (2018 г.).

Характеристика: Квалифицированный руководитель, пользуется уважением подчинённых. В сложных ситуациях проявляет хладнокровие и решительность. Способен брать на себя ответственность. Сдержан, немногословен. Пользуется авторитетом среди коллег. В работе опирается на факты, не склонен к поспешным выводам.

Морально устойчив, но скрывает тяжёлую внутреннюю ношу – чувство вины за прошлое. Держит дистанцию в общении, но к Вере Тихоновой относится с отеческой заботой.

Особые отметки: близкий друг погибшего офицера полиции Сергея Тихонова, отца детектива Веры Тихоновой. После смерти друга взял опеку над его дочерью в профессиональном плане, помогал становлению карьеры.

Носит очки для чтения. Имеет привычку потирать переносицу при раздумьях.

Заключение врачебной комиссии: практически здоров. Имеет незначительные проблемы со зрением (близорукость) – носят возрастной характер, не препятствуют службе.

Подпись сотрудника: Громов П.И.

Ф.И.О: Тиханова Вера Сергеевна

Дата рождения: 14 июля 1999

Место рождения: г. Северск

Должность: детектив, капитан полиции

Образование: среднее специальное – Колледж полиции г. Северска (2018 г.). Специализация: оперативно-розыскная деятельность. Прошла дополнительные курсы повышения квалификации.

Семейное положение: не замужем. Детей нет.

Отец – Сергей Тихонов, офицер полиции, погиб при исполнении служебных обязанностей (2014 г.).

Мать – Тиханова Ирина Васильевна, домохозяйка (в разводе с отцом, проживает в г. Северск).

Послужной список: 2018–2019 гг. – стажёр в оперативном отделе УВД г. Северска.

2019 г. – присвоено звание младшего лейтенанта.

2019–2021 гг. – оперативный сотрудник.

2021 г. – досрочно присвоено звание капитана за раскрытие трёх резонансных убийств.

Награды и поощрения: Ведомственный знак «За отличие в службе» III степени (2021 г.).

Благодарность начальника управления за раскрытие особо тяжких преступлений (2022 г.).

Характеристика: работает преимущественно по ночам, за что получила прозвище «Сова». Обладает феноменальной интуицией, наблюдательна, замечает детали, которые другие пропускают.

В общении резка, цинична, предана делу и коллегам. Редко показывает уязвимость, однако внутри несёт тяжесть давней потери – трагической гибели отца.

Дисциплинирована, требовательна к себе и к другим, не боится спорить с начальством, если уверена в своей правоте.

Особые отметки: находилась под руководством полковника Петра Громова, который был другом её отца. Взята под его опеку после гибели отца, с тех пор Громов оставался её наставником.

Имеет разрешение на ношение табельного оружия (пистолет Макарова). В багажнике личной машины всегда хранит набор для ночного дежурства.

Заключение врачебной комиссии: Здорова. Отличное зрение, физическая выносливость выше средней. Психоэмоциональное состояние – стабильное, с учётом профессиональной деятельности. Рекомендаций нет.

Подпись сотрудника: Тихонова В.С.

Ф.И.О: Кадров Матвей Игоревич

Дата рождения: 10 марта 1989

Место рождения: г. Северск

Должность: Оперуполномоченный, старший лейтенант полиции

Образование: Среднее специальное – Колледж полиции г. Северска (2009 г.). Проходил дополнительные курсы по тактической подготовке и рукопашному бою.

Семейное положение: не женат. Детей нет.

Родители: мать – Кадрова Нина Васильевна (пенсионерка), отец – Кадров Игорь Семёнович (пенсионер). Проживают в г. Северск.

Послужной список: 2006–2008 гг. – срочная служба в армии (спецназ ГРУ).

2009–2012 гг. – оперуполномоченный уголовного розыска.

2012–2020 гг. – оперативный сотрудник отдела по борьбе с организованной преступностью.

С 2020 г. – оперуполномоченный оперативного отдела УВД г. Северска.

Награды и поощрения: Медаль «За отличие в службе» III степени (2015 г.).

Благодарность за участие в задержании особо опасного преступника (2018 г.).

Характеристика: Спокойный, выдержанный, немногословный. Физически крепкий, хорошо подготовлен. Надёжный товарищ, на которого можно положиться в сложной ситуации.

В коллективе держится ровно, лишних разговоров не ведёт. Распоряжения выполняет чётко и без лишних вопросов. Пользуется уважением у сослуживцев.

Имеет склонность к самопожертвованию – готов рисковать собой ради других, иногда в ущерб собственной безопасности.

Особые отметки: имеет характерный красный шрам на правой руке (от локтя до запястья) – получен во время боевых действий.

В быту неприхотлив. Холост, живёт один. В свободное время занимается спортом.

Заключение врачебной комиссии: По данным последнего медицинского осмотра – практически здоров. Сам факт заболевания не был зафиксирован официально, так как Матвей скрывал его от врачей и руководства. Внешних признаков болезни, кроме редких жалоб на усталость, не проявлял.

Подпись сотрудника: Кадров М.И.

Ф.И.О: Седова Марина Дмитриевна

Дата рождения: 17 марта 1995

Место рождения: г. Северск

Должность: Криминалист, лейтенант полиции

Образование: Высшее – Биологический факультет Северского государственного университета (2017 г.). Специализация: судебная экспертиза, биохимия. Дополнительные курсы по дактилоскопии и ДНК-анализу.

Семейное положение: не замужем. Детей нет.

Отец – Седов Дмитрий Анатольевич, пенсионер (в прошлом – военнотолужащий). В 1997 году помещён в психиатрическую лечебницу после того, как во сне задушил жену и не помнил этого. Мать – Седова Ирина Викторовна, погибла в 1997 году.

Послужной список: 2017–2018 гг. – стажировка в криминалистической лаборатории УВД г. Северска.

2018–2020 гг. – младший криминалист.

С 2020 г. – криминалист оперативного отдела.

Награды и поощрения: Благодарность за успешное раскрытие резонансного убийства (2021 г.).

Грамота за высокие показатели в работе (2022 г.).

Характеристика: Умная, внимательная к деталям, добросовестная. В работе проявляет высокую квалификацию, особенно в области микроанализа, ДНК-исследований и исследования отпечатков пальцев.

В стрессовых ситуациях склонна к тревожности и паническим атакам. В спокойной обстановке – общительна, доброжелательна.

Ответственно относится к поручениям. Легко поддается чужому влиянию, чувствительна к критике.

Особые отметки: имеет привычку нервно грызть колпачок ручки в минуты волнения. Носит очки с тонкой оправой (близорукость). На левом запястье имеет старый шрам.

Детская травма (отец во сне задушил мать) является источником постоянного страха сойти с ума или потерять контроль над сном. Этот страх она тщательно скрывает, но близкие коллеги знают о её уязвимости.

Периодически проходит консультации у психолога, но официальных рекомендаций по ограничению службы не имеет.

Заключение врачебной комиссии: Физическое состояние – удовлетворительное. Психотомоциональное состояние – склонность к тревожным реакциям. На момент медосмотра признана годной к службе с незначительными ограничениями (не рекомендуется работа в экстремальных условиях без поддержки коллег).

Подпись сотрудника: Седова М.Д.

Ф.И.О: Стыров Арсений Владимирович

Дата рождения: 3 сентября 1991

Место рождения: г. Степногорск

Должность: Сотрудник оперативной группы (снайпер), капитан полиции

Образование: Среднее специальное. Окончил снайперскую школу МВД (2013 г.). Проходил курсы повышения квалификации по тактической и огневой подготовке.

Семейное положение: Холост. Детей нет.

Родители: мать – Стырова Анна Борисовна (пенсионерка), отец – Стыров Владимир Игоревич (пенсионер). Проживают в г. Степногорске.

Послужной список: 2010–2012 гг. – срочная служба в армии (разведывательные войска).

2013–2015 гг. – контрактная служба в спецподразделении.

2015–2018 гг. – сотрудник отдела специального назначения МВД.

С 2018 г. – снайпер оперативной группы УВД г. Северска.

Награды и поощрения: Медаль «За отвагу» (2016 г.).

Нагрудный знак «За отличие в службе» III и II степени.

Благодарность начальника управления за участие в спецоперациях (2020 г.).

Характеристика: крайне немногословен, говорит только по делу, пустых разговоров не ведёт. Обладает высокой психологической устойчивостью и выдержкой, хладнокровием в экстремальных ситуациях. В работе полагается на факты, оружие и профессиональные навыки.

В коллективе держится обособленно, но не конфликтует. Коллеги уважают его за надёжность и умение сохранять ясность ума в любой обстановке.

Особые отметки: носит кепку, не снимает её практически никогда – как на службе, так и в свободное время.

На шее имеет татуировку «СВ» (по неофициальным данным, это знак принадлежности к элитному спецподразделению).

Владеет приёмами рукопашного боя. Профессионально работает с винтовкой Драгунова, регулярно проходит переквалификацию и проверку меткости.

Участвовал в экспериментальной программе «Сонный солдат».

Заключение врачебной комиссии: Физическая форма – отличная. Психоэмоциональное состояние – стабильное. Признан полностью годным к службе в любых условиях. Рекомендаций нет.

Подпись сотрудника: Стыров А.В.

Ф.И.О: Горелов Иван Николаевич

Дата рождения: 15 мая 1978

Место рождения: с. Заречье, Ивановская область

Должность: Водитель оперативной группы, старший прапорщик полиции

Образование: Среднее профессиональное – ПТУ № 3 г. Северска, специальность «водитель-механик» (1996 г.)

Семейное положение: Женат (супруга – Горелова Елена Михайловна). Двое детей: дочь 12 лет, сын 8 лет. Проживает по адресу: г. Северск, ул. Луговая, д. 17, кв. 4.

Послужной список: 1996–1998 гг. – служба в армии (автомобильные войска).

1999–2002 гг. – водитель в автопарке г. Северска.

2002–2008 гг. – водитель в автохозяйстве УВД г. Северска.

С 2008 г. – старший водитель следственной группы оперативного отдела.

Награды и поощрения: Грамота за безаварийную работу (2010 г.).

Благодарность от начальника отдела за техническое обслуживание автопарка (2015 г.).

Нагрудный знак «За отличие в службе» III степени (2018 г.).

Характеристика: Спокойный, немногословный, но надёжный. Своё дело знает отлично. В обращении с коллегами добродушен, в разговоре нетороплив. Распоряжения выполняет без лишних вопросов. Пользуется уважением сослуживцев за трудолюбие и верность слову. Курит.

Особые отметки: физически силён («руки-лопаты»). Любит старый ватник, носит его даже в несезон. В багажнике машины всегда есть домкрат, набор ключей и буксировочный трос. В командировках никогда не жалуется на усталость.

Заключение врачебной комиссии: практически здоров. Имеет незначительные проблемы с артериальным давлением (гипертония I стадии) – не препятствуют исполнению служебных обязанностей.

Подпись сотрудника: Горелов И.Н.

Следующий день. Парковка у отдела встретила их пасмурным небом. Вера стояла у «Нивы», проверяя багажник. Спальники, фонари, патроны, сухпайки — всё на месте... и коробка с железной стружкой. Сама не знала, зачем положила. Просто приснилось три ночи подряд: она сыплет железо на порог от некого снаружи, что царапает дверь.

Матвей Кадров, высокий, сухой, с красным шрамом на правой руке от локтя до запястья, — по рассказам коллег, он никогда не рассказывал, откуда шрам, да и они не спрашивали, — и Арсений Стыров, коренастый, в кепке, с глазами, которые никогда не моргают дважды подряд, подошли первыми.

— Говорят, там уже неделя как бардак, — бросил Матвей, закидывая рюкзак в багажник.
— Чего ждали?

— Пока официальный рапорт дойдёт, — Вера захлопнула дверцу. — Громов дал добро. Едем.

Арсений молча сел на заднее сиденье. Он не сказал ни слова — только кивнул.

Из дверей отдела вышла Марина Седова с планшетом и большой спортивной сумкой. Светлые волосы собраны в тугой хвост, очки съехали набок. Она нервно грызла колпачок ручки.

— Двадцать три человека за неделю? — переспросила она, открывая дверцу. — Это не просто пропажи. Это трещина в статистике.

— Поэтому и едем, — ответила Вера.

Иван Горелов, водитель, большой бородатый мужик с руками-лопатами, уже сидел за рулём второй машины. Он курил, пуская дым в приоткрытое окно.

— Все расселись? Поехали, — сказал он и загасил окурочок о подошву.

Колонна из двух «Нив» выехала за город через десять минут.

Первые сто километров прошли молча. Марина что-то искала в интернете, Арсений спал. Матвей смотрел в окно на мелькающие берёзы.

— А что в рапорте ещё было? — спросил вдруг Матвей.

— Про смех из леса, — нехотя ответила Вера. — И про отпечатки ладоней на стёклах с внутренней стороны.

— С внутренней? — Марина оторвалась от планшета. — Значит, кто-то был в доме?

— Этого никто не знает.

— Бред, — сказал Матвей и отвернулся к окну.

Иван по радиации вызвал из второй машины:

— Тихонова, у тебя навигатор не глохнет?

Вера глянула на экран. Прибор показывал маршрут, но сигнал пропал — карта зависла.

— Заглох, а у тебя?

— Тоже, и связи нет.

Вера огляделась. Лес с обеих сторон дороги стал другим — слишком плотным, сумеречным даже в полдень. Стволы берёз покрывали чёрные пятна, похожие на лица. Она не помнила такого по пути в прошлый раз.

— Остановитесь.

Обе машины встали. Тишина была полной — ни птиц, ни ветра. Только запах прелой листвы и чего-то гнилостно-сладкого.

— Ничего не слышно, — сказал Арсений, открыв глаза. — Даже насекомых.

— Едем дальше, — бросила Вера.

Некая деревня возникла из тумана внезапно. Дома деревянные, ставни закрыты, окна завешаны чёрной тканью. Ни лая собак, ни голосов. Даже петухи молчали.

— Похоже на музей смерти, — пробормотал Матвей, вылезая из машины.

Громов подошёл к Вере:

— Разделяемся. Матвей и Арсений — обход по периметру. Марина и Иван — к местному участку. Вера и я — к старосте.

Староста жил в единственном доме с открытыми ставнями. На крыльце сидел мужик с пустыми глазами, лет пятидесяти, и бессмысленно перебирал пальцами.

— Вы заблудились, ребятки? — спросил он.

— Нет, — ответил Громов, — мы из полиции, говорят, тут люди пропадают.

— Они уже не люди, те, кто пропал. Их души в пруду, а тела ходят по лесу. Мы зовём их топи.

Громов переглянулся с Верой.

— Кто «они»?

— Топи. Так бабка Варвара их называет. Те, кто спит и не может проснуться. Вроде как живы, а внутри уже болото.

— Бред. Нам нужно в центральную часть деревни, не подскажете, как добраться?

— Бежать вам нужно, а не шарахаться тут, — проронил старик, — а если уж сильно хочется, учтите, вас предупреждали. До центра деревни не близко, уже темнеет. Остановитесь у меня, а с рассветом покажу дорогу.

— Спасибо, но мы пока пройдемся по местности, — сказала Вера.

— Как знаете.

Через несколько метров виднелся магазин. Магазин «У Зои» оказался вывеской, покосившейся так, что буквы сползли вниз. Дверь скрипела.

— За мной, — бросила Вера и вошла.

Внутри пахло формалином и ещё чем-то сладким, тошнотворно-сладким. На полках — пустые банки, паутина в углах. За прилавком стояла женщина. Худая, с длинными седыми

волосами, хотя по лицу было не больше сорока. Её руки лежали на стойке. Вера заметила: ногтей нет. Вместо них — рубцы, будто кто-то выдирал ногти раз за разом.

— Вы Зоя? — спросил Громов.

Женщина подняла голову. Глаза чёрные, без белков.

— Убирайтесь, — сказала она. Голос — скрежет металла по стеклу. — Вам здесь не место. Вы не полиция. Вы — еда. Смотрите на карту!

Она ткнула пальцем в висевшую на стене выцветшую карту района. Липяжное было нарисовано там, где болота обозначались синей рябью.

— Это не деревня. Это пасть. И мы все — зубы.

— Мы приехали помочь, — Вера положила руку на кобуру. — Двадцать три человека пропали. Где они?

Зоя вдруг улыбнулась. Улыбка была страшнее крика — слишком широкая, слишком острая.

— Они спят. Все двадцать три. Прямо сейчас. И вы тоже будете спать, а когда заснёте, вы увидите, что на самом деле под вашей кожей. Личинки. Тысячи маленьких личинок, детектив. И они уже шевелятся. Почеси руку.

Вера невольно почесала. Громов схватил её за плечо.

— Уходим.

Они вышли. На улице их ждала бабка — сутулая, в чёрном платке, с тростью. Она обошла их по широкой дуге, не глядя, и проронила:

— Зря приехали. Зря. Теперь не уедете. Баба Зоя права: вы уже здесь, значит, уже спите. В Липянном нельзя не спать, а если спишь — ты не свой.

И ушла, волоча палку по пыльной дороге.

Громов вздохнул:

— Психушка какая-то. Ладно, разбиваем лагерь в доме старосты, а утром отъедем.

Дом старосты оказался двухэтажным, с облупившейся краской. Внутри — пыль, старая мебель, иконы во всех углах. Марина уже разложила оборудование: микроскоп, ультрафиолетовые лампы.

— Следов взлома нигде, — доложила она. — Люди исчезли из закрытых комнат. Некоторые кровати ещё хранят тепло тела. Если верить жильцам, исчезновения происходят между двумя и тремя ночи.

— Значит, сейчас дежури́м по двое, — скомандовал Громов. — Матвей и Арсений — первая смена. Вера и я — вторая. Марина и Иван — третья.

Вера легла на продавленный диван, не раздеваясь. Заснула мгновенно — усталость взяла своё.

Ей приснилось, что она стоит посреди деревни. Луна красная. Все двери открыты настежь. Из каждого окна тянется рука. Много рук. Женские, мужские, детские. Они хватают воздух, словно выискивают что-то.

— Чего вы хотите? — спросила Вера.

Руки замерли. Потом все разом указали на неё. Из-за угла вышла фигура. Высокая, в длинном пальто. Лица не видно — вместо лица рябь, как на воде.

— Мы хотим, чтобы ты осталась, — сказала фигура голосом самой Веры. — Здесь хорошо спать. Здесь никогда не проснёшься, а просыпаться — это больно.

Вера открыла рот, чтобы ответить, но вдруг почувствовала, что её кто-то трясёт.

— Вставай! — это был Громов. Его лицо было бледным. — Слышишь? Матвей кричит!

Из комнаты Матвея доносился вопль — нечеловеческий, режущий. Вера вскочила, выхватила пистолет. Ворвалась в комнату.

Матвей сидел на кровати, прижимая руки к груди. На его лице — слёзы. Арсений стоял рядом, растерянный.

— Что случилось? — спросила Вера.

Матвей разжал руки. На его груди, поверх футболки, виднелись пять глубоких царапин. Свежих, из которых сочилась кровь.

— Во сне... — прошептал он. — Кто-то схватил меня за сердце. Пытался вырвать. Я проснулся от резкой боли и следы... вот...

Марина поднесла ультрафиолетовую лампу к царапинам. Взяла отпечатки пальцев. Компьютер проанализировал.

— Это... это не похоже на человеческие отпечатки, — сказала она дрожащим голосом. — У них не девять валиков, а тринадцать, и они перевернуты. Словно отпечаток с обратной стороны ладони.

В полной тишине Вера повернулась к окну. За стеклом, прижавшись лицом к раме, стояла та самая фигура из сна: без лица, рябь вместо глаз.

Вера выстрелила. Стекло разбилось, фигура исчезла. Но на подоконнике остался мокрый лист кувшинки.

В комнату вошёл старик:

— А я предупреждал.

Глава 2

На рассвете две «Нивы» выехали за городскую черту. Вера сидела за рулём первой, рядом с ней — Громов. На заднем сиденье — Матвей и Арсений. Во второй машине — Марина и Иван, водитель.

Город быстро остался позади. Многоэтажки сменились частными домами, потом полями, потом лесом. Вера вела машину молча, только иногда поглядывая в зеркало заднего вида: вторая «Нива» не отставала.

Староста рассказал им, что до центральной части так просто не доедешь. Указал дорогу, которая проходит через город.

— Сколько до Липямого? — спросил Матвей, открывая фляжку с водой.

— По навигатору — сто двадцать километров. Насчёт дороги не уверена. Староста говорил, последние десять — грунтовка.

— Надеюсь, не застрянем, — буркнул Арсений, поправляя кепку.

Громов достал планшет, пролистал файлы.

— В материалах дела есть кое-что любопытное. Местный участковый писал, что за последний год в Липяжном зафиксировано четырнадцать заявлений о пропажах. Все закрыли. Люди возвращались через несколько дней, но возвращались другими.

— Другими? — переспросила Вера.

— Цитата: *«Вернулся, но не узнаёт родных. Глаза тёмные, говорит мало. По ночам сидит на крыльце и смотрит в лес».*

Матвей присвистнул.

— И никто не бил тревогу?

— А кто бы поверил? — сказал Громов. — Списали на стресс. В маленьких деревнях свои законы. Раньше просто терпели.

Вера стиснула руль. Впереди дорога уходила под зелёный свод: лес становился всё гуще.

Через час езды навигатор на панели моргнул и погас.

— Что за... — Вера постучала пальцем по экрану. Без реакции. — Иван, как у тебя с навигатором?

Из второй машины по рации ответил Горелов:

— Тоже сдох, и связь пропадает. Голос с помехами.

Вера оглянулась на Громова. Тот проверил свой телефон.

— Нет сети. Вообще. У остальных?

Арсений достал свой, покачал головой. Матвей — тоже.

— Глушилка? — предположил Арсений.

— В лесу? Зачем они в глухой деревне? — возразила Вера.

Она остановила машину. Вторая «Нива» встала рядом. Из неё вышел Иван, подошёл к капоту, закурил.

— Может, магнитные аномалии? — сказал он. — Слышал, в болотах такое бывает.

— Не слышала, — ответила Вера. — Но у нас нет выбора. Едем по дороге, благо она здесь одна.

Громов кивнул:

— Держимся вместе. Никуда не сворачиваем.

Колонна двинулась дальше. Стрелка спидометра показывала шестьдесят, хотя Вере казалось, что они ползут. Лес становился всё плотнее, небо скрылось за кронами.

Лес становится странным. Вера заметила это не сразу. Сначала просто подумала — устала, но чем дальше, тем отчётливее понимала: лес изменился.

Стволы берёз, растущих по обочинам, были покрыты чёрными пятнами. Не грибок, не лишайник — пятна напоминали лица. Размытые, смазанные, если приглядеться, можно было различить глазницы, впалые щёки, сложенные в безмолвном крике рты.

— Вы это видите? — спросил Матвей.

— Что? — сказал Громов.

— На берёзах лица.

Громов прильнул к стеклу, потом откинулся назад.

— Может, игра света или грибок.

— Грибок не похож на лица! — упрямо сказал Матвей.

Арсений промолчал, надвинул кепку ниже, закрывая глаза.

Вера включила дальний свет, хотя было светло. Фары захватили из полумрака ещё один ряд берёз, и на каждой — чёрные метки. Все разные: мужские, женские, детские.

— В Липяжном говорили, что лес наблюдает, — сказала она тихо.

— Перестань, — оборвал Громов. — Просто дорога. Просто лес. У тебя нервы играют.

— У меня всё в порядке.

Но её пальцы побелели на руле.

Донёсся неожиданный, сладковато-приторный запах с нотками прелой листвы и ещё чего-то тошнотворного. Вера открыла окно, надеясь впустить свежий воздух, но уличный ветер принёс ту же вонь, только концентрированное.

— Что это? — сморщилась Марина по рации.

— Тиной пахнет, болотом, — предположил Иван.

— Нет, — сказал Матвей. — Это не тина. Я нюхал тину, а это... Это гниль. Сладкая, как от старых фруктов, которые лежат в погребе, когда туда заходишь через месяц.

— Или от тела, — добавил Арсений.

Все замолчали.

Вера потянулась за аптечкой, достала маску — обычную, медицинскую — и натянула её на лицо. Тонкая ткань не спасала от запаха, только создавала иллюзию.

— Почему никто не предупреждал про запах? — спросила она.

— Может, привыкли, — ответил Громов. — Кто живёт рядом.

— Невозможно привыкнуть к такому запаху.

Дорога пошла на подъём, потом резко вниз. В просветах между деревьями показались крыши.

Деревня возникла из тумана внезапно: серые дома с закрытыми ставнями, высокие старые тополя, колодец на окраине. Никто не вышел встречать, ни собак, ни кур.

— Похоже на кладбище, — сказал Матвей.

— Не носи ерунду, — бросил Громов.

Вера остановила машину у первого дома с табличкой «*Липяжное, ул. Центральная, 1*». Из него никто не вышел. Дверь заперта, окна завешены чёрной тканью.

— Может, они все спят? — предположил Арсений.

— В два часа дня? — усомнилась Вера.

Громов вышел из машины, огляделся. Тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.